

ФОРМЫ И ПРАКТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

И.М. Никольский

'DOMINUS NOSTER REX' – ЧТО ОЗНАЧАЛА НАДПИСЬ НА ВАНДАЛЬСКИХ МОНЕТАХ?

Серебряные монеты, выпускавшиеся в королевстве вандалов, представляют собой прекрасный материал для изучения репрезентации королевской власти. Начиная со времен короля Гунтамунда (484–496) на них стали появляться изображения вандальских королей, а не римских императоров, как это было принято ранее, а также новые, не имеющие аналогов легенды. Одна из таких надписей содержит словосочетание “*dominus noster rex*” (букв. «наш господин король»). Оно представляет интерес как сочетание терминов, традиционно ассоциирующихся, с одной стороны, с императорской властью, а с другой – с властью варварских королей. На первый взгляд, понятие “*dominus noster*”, входившее в императорскую титулатуру, не должно было оказаться в одном ряду со словом *rex*, обычно характеризовавшим варварских правителей. В статье предпринята попытка ответить на вопросы, было ли их сочетание в рамках одной формулы случайностью, следствием вольного обращения с терминами, или же сознательным шагом. Понять возможные истоки этого сочетания дает творчество карфагенского поэта Драконция (особенно его произведение “*Satisfactio*” «Искупление» – панегирик, посвященный королю Гунтамунду), который употребляет именно эту формулу. Карфагенский поэт обращается не только к римской, античной, но и к ветхозаветной традиции, и истоки рассматриваемой формулы могут быть обнаружены и в ней. Появление выражения “*dominus noster rex*”, скорее всего, не было случайностью; оно отсылает к тексту, автор которого претендовал на формирование политической идеологии и доктрины, истоки которой лежали не только в римской, но и в ветхозаветной традиции.

Ключевые слова: вандалы, Карфаген, Африка, монеты, Римская империя, Гунтамунд

V век внес значительные изменения в жизнь Римской империи. Уже в начале столетия варварские племена, жившие на ее границах, стали заявлять о себе как о самостоятельной политической силе; начали появляться первые варварские королевства – свевов, вестготов, бургундов. В конце 420-х гг. на север Африки вторглось пришедшее из Испании германское племя вандалов,

предводитель которого Гейзерих (правил: 428–477 гг.) за несколько лет завоевал все римские провинции (Проконсульская Африка, Нумидия, Мавретания) в регионе и создал на этих территориях свое королевство. Это государственное образование явно выделялось среди подобных ему – по размерам, силе, устойчивости и величине амбиций местных правителей. Гейзериху, правление которого растянулось почти на 50 лет, удалось установить порядок престолонаследия, обеспечивавший преемственность власти, а также добиться полного признания своих территориальных приобретений, сначала со стороны Западной (442 г.), а затем – Восточной империи (474 г.). Королевство вандалов просуществовало до 534 г., пока его с помощью полководца Велизария, не завоевал византийский император Юстиниан (правил: 527–565 гг.). За это время в нем успели смениться шесть правителей¹, а владения, помимо земель на материке приросли за счет окрестных островов – Балеарских, Корсики, Сардинии и Сицилии. Поход Велизария при всем том был довольно тяжелым, а решение Юстиниана о его начале воспринималось в Константинополе далеко не однозначно – во всяком случае, так об этом писал секретарь полководца и участник тех событий Прокопий Кесарийский, посвятивший им значительную часть своей «военной» трилогии².

Вандальские короли ощущали себя вполне самостоятельной политической силой, чуть ли не равной по весу византийским императорам – во всяком случае, они подчеркивали это равенство в переписке³, а кроме того, первыми из варварских правителей стали чеканить монеты с собственными изображениями в традиционном императорском облачении – плаще-палудаментуме и диадеме. Этот факт сделал вандалов особенно привлекательными в глазах специалистов как по нумизматике, так и по эко-

¹ После Гейзериха королями вандалов были Хунерих (477–484), Гунтамунд (484–496), Тразамунд (496–523), Хильдерих (523–530) и Гелимер (530–534).

² Имеются в виду сочинения Прокопия «Война с персами» и «Война с готами» и, в первую очередь, «Война с вандалами».

³ Наиболее показательный пример – процитированное Прокопием обращение Гелимера Юстиниану «царь – царю», *βασιλεὺς Γελίμερ Ἰουστινιανῶ βασιλεῖ* – *Procop. Caes. De Bellis*. III. 9. 20). Подробнее см.: *Никольский И. М.* Гейзерих – автократор вандалов: как варварский король получил императорский титул // *Цивилизация и варварство: Пограничье как феномен, состояние и культурно-историческое пространство* / Отв. ред. В.П. Буданова, О.В. Воробьева. М., 2015. Вып. IV. С. 285–302.

номической истории соответствующего периода. Работы, посвященные деньгам, имевшим хождение в Северной Африке в V – первой трети VI вв., стали достаточно регулярно появляться, начиная с середины XIX в., когда вышла монография немецкого историка Ю. Фридлиндера⁴. Пятьдесят с небольшим лет спустя У. Рот выпустил ставший уже хрестоматийным для нумизматов обзор монетных коллекций Британского музея, в котором весьма значительное место было отведено монетам вандалов⁵. Один из крупнейших специалистов XX в. по нумизматике поздней античности и раннего Средневековья Ф. Гриерсон посвятил вандалам главу в написанном совместно с М. Блэкберном исследовании «Монетное дело в Средние века»⁶. Метрологические аспекты рассматривал М. Хенди⁷, проблемами датировки монет и интерпретации представленного ими символического ряда занимался Ф. Кловвер⁸; наконец, в 2007 г. вышла большая обобщающая статья Г. Берндта и Р. Штайнахера, в которой достаточно полно реконструируется система денежного обращения в королевстве вандалов, в том числе в контексте его отношений с Римской (Византийской) империей, а также с другими варварскими королевствами⁹.

Эти работы дают достаточно полное представление о том, что представляла собой монетарная система вандальского королевства: из каких металлов чеканились деньги, какого достоинства они могли быть, как менялся их курс по отношению друг к другу и т. п. При всем том периферийным в существующих исследованиях остается один важный сюжет. Очевидно, что монеты в рассматриваемую эпоху были важным инструментом репрезентации власти: на них чеканились изображения правителей, дополненные перечнями официальных титулов в легендах.

⁴ *Friedlaender J.* Die Münzen der Vandalen. Leipzig, 1849.

⁵ *Wroth W.* Catalogue of the Coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombards, and of the Empires of Thessalonica, Nicaea and Trebizond in the British Museum. London, 1911.

⁶ *Grierson P. Blackburn M.* Medieval European Coinage: With a Catalogue of the Coins in the Fitzwilliam Museum, Cambridge. Vol. 1. The Early Middle Ages 5-th –10-th Centuries. Cambridge, 1986.

⁷ *Hendy M.* Studies in the Byzantine Monetary Economy. C. 300–1450. Cambridge, 1985.

⁸ *Clover F. M.* Felix Carthago // DOP. 1986. Vol. 40. P. 1–16.

⁹ *Berndt G., Steinacher R.* Minting in Vandal North Africa: coins of the Vandal period in the Coin Cabinet of Vienna's Kunsthistorisches Museum // Early Medieval Europe. 16 (3). 2008. 252–298.

Исследователи традиционно фиксируют этот факт в том числе и применительно к королевству вандалов – однако достаточно-го развития эта мысль, как правило, не получает. Уже первые авторы, занимавшиеся изучением этих монет, отмечали: начиная с правления Гунтамунда, вандалы, прежде чеканившие деньги в виде «имитации» римских, перешли к выпуску монет с изображениями собственных правителей и с новыми легендами. В них с различными вариациями фигурировали аббревиатуры, которые в общем виде расшифровываются в виде: «*dominus noster rex*»¹⁰.

До этого времени такой формулы легенды не предполагали. На первый взгляд, она стала сочетанием совершенно несочетаемых вещей: выражения «наш господин», «*dominus noster*», которое появлялось на римских монетах, начиная с IV в., и ассоциировалось исключительно с императорской титулатурой, в которую входило наряду с определениями *pius*, *felix*, *augustus*, – и слова *rex*, которое, напротив, обозначало либо варварских королей, либо древних (иногда мифических) царей, но в любом случае скорее противопоставлялось термину *princeps*, ключевому для характеристики римских правителей.

Аббревиатура *DN*, традиционно обозначающая этот титул, всегда сопровождалась рядом других устоявшихся сокращений – *PP*, *PF* и *AVG*¹¹, и возникала в этом сочетании на римских либо варварских «имитационных» монетах, но всегда в связи с тем или иным императором. В свою очередь, имевшийся к концу V в. (хотя и довольно короткий) опыт изображения варварских правителей на выпущенных ими монетах (речь идет о королевстве свевов и его короле Рехиаре, правившем в 438–55 гг.) – показывает, что никаких отсылок к императорской титулатуре там не было; легенда в этом случае была ограничена выражением «*regis iussu*», «по приказу короля»¹².

¹⁰ *Friedlaender J.* Die Münzen. P. 8; *Wroth W.* Catalogue. P. 8–16. Это были серебряные монеты достоинством в 50–100 денариев; соответствующие надписи располагались на аверсе, с портретом правителя в императорском облачении, и имели вид, подобный такому: DNREXSV[N] THAMVNDV; DNRXS UNTHA.

¹¹ *PP* = perpetuus, *PF* = pius felix, *AVG* = Augustus. См. подробнее: *Grierson P., Blackburn M.* Medieval European Coinage. P. 12; *Grierson P.* Byzantine Coinage. Washington, 1999. P. 38.

¹² *Grierson P., Blackburn M.* Medieval European Coinage. P. 78; *Livermore H. V.* The Coinage of the Suevic Period // *Essays on Iberian History and Literature.* Aldershot, 2000. P. 41; *López-Sánchez F.* Suevic Coins and Suevic Kings (418–456) // *Neglected Barbarians* / Ed. by *F. Curta.* Turnhout, 2010. P. 503–536.

Ю. Фридлиндер обратил внимание на факт появления необычной титулатуры на монетах времен Гунтамунда, но не нашел здесь какого-то особенного противоречия¹³; в дальнейших исследованиях этот вопрос также явно не был приоритетным для исследователей. В то же время словосочетание «*dominus noster rex*», «изобретателями» которого оказались вандалы, впоследствии закрепилось в легендах на монетах других варварских народов – остготов, франков – и стало совершенно привычным в эпоху Карла Великого, а затем уже плотно укоренилось в средневековой традиции¹⁴. В каждом из этих случаев его употребление может, вероятно, иметь совершенно индивидуальные причины; задача настоящей работы – дать возможное объяснение именно вандалскому казусу. Для этого необходимо обратиться к поддающимся реконструкции аспектам политической идеологии королевства вандалов, а также рассмотреть особенности употребления этих терминов – в частности, слова *rex* – в латинской позднеантичной традиции.

Во-первых, необходимо заметить, что к концу V в. – несмотря на то, что разница, и даже противопоставление между словом *rex* и терминами, обозначающими императорскую власть (в частности, словом *princeps*) продолжает сохраняться, граница между ними приобретает склонность к размыванию. Если взглянуть на биографические сочинения IV–V вв., посвященные жизни правителей, к примеру, SHA или «О Цезарях» Аврелия Виктора, то вполне обычным обозначением для римского императора здесь будет *princeps*, а для варварского короля – *rex*¹⁵, но уже в этих текстах можно встретить исключения, обратные ситуации, когда эти термины меняются местами. Так, автор жизнеописаний императоров Адриана и Элия использует по отношению к ним выражения «царский нрав» и «смерть царя», «*regius mos*» и «*regia*

¹³ Friedlaender J. Die Münzen. P. 8

¹⁴ Grierson P., Blackburn M. Medieval European Coinage. P. 201; Jenks M. Romanitas and Christianitas in the coinage of Theodebert I of Metz // Zeitschrift für antikes Christentum / Journal of Ancient Christianity. Vol. 4, Issue 2, 2000. P. 338; Gillett A. Was Ethnicity Politicized in the Earliest Medieval Kingdoms? // On Barbarian Identity: Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages. Turnhout, 2002. P. 85; Garipzanov I. The Symbolic Language of Authority in the Carolingian World (c. 751–877). Leiden; Boston, 2008. P. 130.

¹⁵ Нап.: SHA. Aelius. I. 1–2; III. 4; VI. 7; VII. 5; SHA. Quadrigae Tyrannorum. I. 3; Aur. Vict. De Caes. XXXIII. 6; XLII. 17, 21, 23.

mors»¹⁶. С другой стороны, в той же «Истории августов» принципсом назван правитель Пальмиры¹⁷. Подобный пример «принципата» варваров можно неоднократно наблюдать и у Орозия¹⁸. Здесь же уместно сказать, что случаи такой терминологической волатильности, пусть и совершенно единичные, встречались и в значительно более ранние времена. Можно обнаружить их, например, у Сенеки, который ставил эти слова в один синонимический ряд: в трактате «О милосердии», «*De Clementia*», автор декларировал, что «ничто так не украшает царя (*rex*) или императора (*princeps*)»¹⁹, как это качество – и в дальнейшем неоднократно использовал формулу «принцепсы и цари», «*principes regesque*»²⁰.

На первый взгляд складывается впечатление, что вандалы, для которых, несмотря на германские корни, основным языком был все же латинский²¹, могли не ощущать большой разницы в значении между этими словами, и видимое сегодня противоречие могло для них и не быть таким ярким. Однако, понять, насколько верно это предположение, возможно лишь рассмотрев другие источники, репрезентативные с точки зрения политической идеологии.

Одним из главных помощников при изучении этой проблемы можно считать карфагенского поэта (и по совместительству юриста, ритора и чиновника) Блоссия Эмилия Драконция (середина V в. – начало VI в.)²². Он был одним из образованнейших людей своего времени, отличался прекрасным знанием как библейских текстов, так и «языческой» античной литературы, и известен как автор целого ряда поэм на богословские и мифологические темы, в том числе посвященных сюжетам об Оресте, Мееде и похище-

¹⁶ SHA. Hadrianus. XI. 2; SHA. Aelius. VI. 6.

¹⁷ SHA. Tyranni Triginta. XV. 1.

¹⁸ Oros. Hist. V. 4. 12; 8; VI. 6. 4; 7. 3; 10. 10. Подробнее см.: *Егоров А. Б.* Проблемы титулатуры римских императоров // ВДИ. 1988. № 2. С. 168.

¹⁹ Sen. De Clem. I.3.3: Nullum tamen clementia ex omnibus magis quam regem aut principem decet.

²⁰ Sen. De Clem. I.4.2, I.4.3.

²¹ Stern K. Inscripting Devotion and Death: Archaeological Evidence for Jewish Populations of North Africa. Leiden; Boston, 2008. P. 84.

²² См.: *Obermeier A.* The History and Anatomy of Auctorial Self-criticism in the European Middle Ages. Amsterdam, 1999. P. 59–61; *Ярхо В. Н.* Античный мир на пороге Средневековья. «Трагедия Ореста» Драконция // Вестник древней истории. 2000. № 3, 2000. С. 208–221; *Edwards M. J.* Dracontius the African and the Fate of Rome // Latomus. T. 63. Fasc. 1. 2004 (JANVIER–MARS 2004). P. 151–160.

нии Елены. Его литературное наследие по достоинству оценили потомки: уже в VII в. самый известный труд поэта «Хвала Господу» (*De Laudibus Dei*) был растиражирован, толедским епископом Евгением (646–657 гг.)²³, одной из наиболее значимых фигур культурной жизни вестготской Испании VII в.²⁴

Среди прочих трудов Драконция есть несколько панегириков, довольно сильно повлиявших на его жизнь. За первый из них, посвященный, как предполагают исследователи, некому иностранному правителю, поэта посадили в тюрьму – сделал это тот самый король Гунтамунд, первым начавший чеканить монеты с собственным изображением. Второй панегирик, написанный в стихотворной форме и известный под названием *Satisfactio* (на русский язык принято переводить его как «Искупление»), был адресован уже Гунтамунду: в нем автор каялся и зывал к милости правителя, но тщетно. Наконец, третий был написан уже после смерти репрессировавшего поэта короля и посвящен следующему правителю вандалов, Тразамунду, который все же даровал Драконцию свободу.

Из всех трех текстов сохранился только второй, наименее судьбоносный для автора, но от этого совершенно не утративший привлекательности в качестве материала для изучения политической идеологии. Драконций апеллирует здесь к важнейшим, с его точки зрения, чертам хорошего правителя, ключевая из которых – милосердие²⁵:

Da dextram misero, veniam concede precanti,
tempore tam longo non decet ira pium (Sat. 119f)

(«Поддай десницу несчастному, снизойди пощадой до согрешившего, столь долгий гнев не красит благочестивого»).

²³ О Евгении см.: Wolf K. B. Eugene II, Bishop of Toledo // *Medieval Iberia: An Encyclopedia* / Ed. by E. M. Gerli. New-York; London. 2003. Из наиболее новых работ о нем: Мареј Е. С. Образ правителя в стихах Евгения Толедского и его параллели с «Книгой приговоров» (*Liber Iudiciorum*) // Вестник РГГУ. 2012. № 9. С. 24–33.

²⁴ С легкой руки Ж. Фонтэна (*Fontaine J. Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigothique*. Paris, 1959. P. 863–866) этот период получил название «вестготского» или «исидоровского» «ренессанса». Оно связано, прежде всего, с личностью энциклопедиста Исидора Севильского и используется для характеристики культуры, особенно литературы вестготской Испании VII в.

²⁵ Немецкая исследовательница Р. Симонс увидела в этом фрагменте перекличку с трактатом «О милосердии» Сенеки, процитированном выше в сноске 19 («non decet ira pium – clementia decet»), см.: *Simons R. Dracontius und der Mythos Christliche Weltansicht und pagane Kultur in der ausgehenden Spätantike*. Leipzig, 2005. P. 65.

«Искупление» построено следующим образом: сначала автор долго говорит о своих грехах, пишет, как он виноват, в первую очередь, перед Богом, а затем – перед правителем (Гунтамундом), – и просит простить его, отсылая к качествам, «приличествующим» (*decet*) достойному правителю, на которого должен ориентироваться адресат поэмы. В контексте рассматриваемой в настоящей работе проблемы особый интерес вызывает политическая терминология, которой пользуется при этом Драконций, а также сравнения, к которым он прибегает, демонстрируя образцы «правильного» поведения для Гунтамунда.

Любопытно, что автор поэмы обращается к королю *princeps*, то есть осознанно или неосознанно сравнивает его с императором, и при этом заявляет, что молит о пощаде у его – если буквально – «императорской власти», *ab imperio*:

post te, summe deus, regi dominoque reus sum,
cuius ab imperio posco gemens veniam

<...>

ad te nunc, princeps, mea vela retorqueo supplex,
pectore mente rogans, voce manumque petens (Sat. 107–108, 117–118)

(«Кроме Тебя, высший Боже, я виноват перед королем и господином, у чьей власти, вздыхая, прошу я пощады <...> Теперь, принцепс, я обращаю кормила моей мольбы к тебе, умоляю тебя всем сердцем и духом, прошу и голосом своим, и руки воздевая»).

Терминологический ряд, который приводит Драконций, выдает явное желание подчеркнуть равенство между вандальским королем и каким-нибудь римским императором – тем более, что дальше он ставит Гунтамунду в пример именно правителей Рима: Цезаря, который «всегда прощал врагов»²⁶, Октавиана и Коммода²⁷ – по всей видимости, такое «равнение на римлян» и было основой для политической идеологии времен этого вандальского короля.

В этом же стихотворении можно встретить то самое, известное по монетам сочетание слов *rex* и *dominus* (как, например, в приведенном выше фрагменте: «*regi dominoque reus*» – ср. Sat. 193–194²⁸) – что свидетельствует о том, что оно было относительно устойчивой

²⁶ «Caesar ubique potens hosti post bella pepercit...».

²⁷ Sat. 175–190.

²⁸ «ne facias populum mendacem, qui tibi clamat / vocibus innumeris 'rex dominusque pius'».

формулой изображения правителя, и в этом качестве, скорее всего, появилось и в легендах. То есть вполне вероятно, что надписи на вандальских монетах, содержащие его в сокращенном виде, возникли как результат формирования именно такой идеологической модели, в которой главным принципом было «возвышение» варварских королей до уровня римских императоров – отсюда и их изображения на тех же монетах в императорском облачении.

Г. Берндт и Р. Штейнахер в свое время высказали в целом соответствующую этому наблюдению точку зрения – о том, что правители и идеологи североафриканского королевства, наладив выпуск таких монет, не придумали ничего принципиально нового, продолжив существовать в рамках привычной позднеримской модели, и что даже появление у них изображений собственных правителей нужно воспринимать не более чем как попытку «подражания империи», «*imitatio imperii*»²⁹. В качестве одного из аргументов исследователи привели тот факт, что вандалы так и не нарушили монопольное право империи на чеканку золотых монет – к чему через некоторое время пришли франки (об этом также пишет Прокопий Кесарийский – *De Bellis*. VII.33). Основные идеи, которые можно почерпнуть из рассмотренного сочинения Драконция, также подтверждают этот тезис, однако если взглянуть на другие позднеантичные тексты, в которых встречается выражение «*dominus noster rex*», картина вандальской пропаганды получится уже не такой однообразной.

Например, нельзя не отметить, что оно неоднократно встречалось в ветхозаветной части «Вульгаты», перевода Библии на латинский язык Иеронима Стридонского IV в., по отношению к царям Израиля, в частности, к Давиду, в виде обращения «господин наш (мой) царь»³⁰. На это следовало бы обратить особенно пристальное внимание в свете популярности ветхозаветных персонажей среди интеллектуальной элиты варварского мира. К примеру, арианский богослов и епископ Авксентий Медиоланский (IV в.) проводил параллели между тем же Давидом и своим учителем, создателем «готской Библии» Ульфиллой³¹. В свою

²⁹ Berndt G., Steinacher R. Minting. P. 269.

³⁰ 1Reg. 1:2, 1:11, 1:13, 1:18, 1:20, 1:21, 1:24, 1:27, 1:31, 1:36, 1:37, 1:43, 1:47; 2Sam 15:15.

³¹ Parvis S. Was Ulfila Really a Homoian // Arianism: Roman Heresy and Barbarian Creed / Ed. by G. Berndt, R. Steinacher. Aldershot, 2014. P. 58, 64; Wolfram H. Vulfila pontifex ipseque primas Gothorum minorum, sed non apostolus eorum / Vulfila Bishop and Secular Leader of His People but not Their Apostle // Ibid. P. 139.

очередь, Драконций (что контексте рассматриваемого периода, наверное, еще более важно), поставил в пример Гунтамунду Давида и Соломона, показав их, как и римских принцепсов, образцами гуманности:

«Rex inimicorum populis mucrone pepercit / David» (Sat. 157–158).

(«Царь Давид пощадил, уберег от меча головы врагов»).

<...>

Exstitit hic prudens, quia noluit esse cruentus,

Pacificusque fuit, consiliique tenax (Sat. 169–170)

(«[Соломон] отличался мудростью, не желая пятнать себя кровью, он был мирным, в решениях твердым»)³².

Карфагенский поэт вряд ли стал бы взывать к милосердию Гунтамунда, опираясь на образ ветхозаветного царя, если бы таковой никак не вписывался в политическую доктрину: сами по себе эти библейские персонажи являют собой довольно сомнительный пример с точки зрения демонстрации гуманизма. Библия показывает скорее примеры обратного поведения. Иисус Наввин не щадит никого в захваченном Иерехоне: «И предали заклитию все, что в городе, и мужей, и жен, и молодых, и старых, и волов, и овец, [все истребили] мечом» (Нав. 6:20–21); схожим образом поступает он и с Асором: «И побили все дышащее, что было в нем, мечом, предав заклитию: не осталось ни одной живой души, а Асор сожег он огнем» (Нав. 11:11). Не менее беспощадны Саул – «И порази Саул Амалика от Хавилы до окрестностей Сура, что пред Египтом, и Агага, царя Амаликова, захватил живого, а весь народ истребил» (1Цар. 15:7–8) – и Давид: «А народ, бывший в нем (городе Равве), он вывел и положил он их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи» (2Цар. 12:31).

Спустя еще полтора с небольшим столетия после появления *Satisfactio* образ библейского царя как важная часть модели идеального правителя возник уже в испанской (вестготской) литературе – многочисленные отсылки к нему особенно хорошо видны в сочинении «История короля Вамбы» («*Historia Wambae Regis*») Юлиана Толедского (642–690), к слову, ученика того самого попу-

³² Другие примеры «миролюбивого» поведения ветхозаветных царей в изображении Драконция подробно анализирует В. Шеттер (*Schetter W. Zur 'Satisfactio' des Dracontius // Kaiserzeit und Spätantike. Kleine Schriften 1957–1992. Stuttgart, 1994. P. 398*).

ляризатора творчества Драконция, Евгения Толедского. Главный герой этого сочинения, король вестготов Вамба, воплотивший, по задумке автора, образ идеального правителя, был изображен всемогущим, могущественным завоевателем, пользующимся беспрекословным авторитетом у подчиненных. Особый акцент сделан на том, что, подобно библейским царям, король прошел через ритуал помазания³³.

У современника Гунтамунда, Драконция, эта линия на сопоставление короля с ветхозаветными царями выдерживается не настолько сильно, но сам их образ, возникающий наряду с римскими императорами, позволяет вписать и его в ряд идеологов – «популяризаторов» Ветхого Завета, а также дает основания предполагать, что в рассматриваемую эпоху определенные формулы из этой части Священного Писания вполне могли переключаться в «живые» материалы, служащие средствами репрезентации власти – в том числе, в надписи на монетах.

Все эти наблюдения дают основания для следующих соображений. Во-первых, можно с большой долей уверенности предположить, что появление словосочетания «*dominus noster rex*» вряд ли было случайностью или результатом путаницы с императорскими и королевскими титулами. Оно встречалось в важнейших с точки зрения политической идеологии текстах, явно востребованных в тот период, когда возникла соответствующая легенда – и определенно отсылало к некому спектру устоявшихся значений. Одна сторона этого спектра связана с образом римского императора, который был, несомненно, главным ориентиром для вандалских правителей. Тем не менее (и это, во-вторых), она не была единственной: как показывает пример Драконция, большое значение для политической пропаганды имела и ветхозаветная традиция, в которой это выражение также употреблялось практически как формула. Можно спорить о соотношении

³³ Вамба – один из последних королей вестготской Испании – правил в 672–680 гг. Образ, показанный Юлианом Толедским, тем не менее, сильно отличался от реального прототипа. См. подробнее: *Никольский И.М.* Образ идеального правителя в литературе вестготской Испании второй половины VII в. (по данным «Истории короля Вамбы» Юлиана Толедского) // Вестник РГГУ, 2010. № 2 (45). С. 46–63. Более подробные сведения об «Истории...» и ее авторе, а также перевод см. по изданию: *Юлиан Толедский.* «История короля Вамбы». (Перевод с лат. под ред. О.В. Аутова и К.И. Тасица. Вст. статья и комментарии И.М. Никольского и О.В. Аутова) // Кентавр / Centaurus. Studia Classica et mediaevalia. Вып. 3. 2006. С. 203–257.

этих частей идеологической модели, однако уже сам факт того, что такой спор возможен, опровергает тезис Берндта и Штейнахера о том, что все устройство вандалского королевства и связанная с ним политическая идеология были сплошным *imitatio imperii*; «римская» модель, действительно являясь базовой, была, тем не менее, дополнена новыми оригинальными идеями и определенным образом развита, а не слепо скопирована с «подлинника».

ЛИТЕРАТУРА

- Berndt G., Steinacher R.* Minting in Vandal North Africa: coins of the Vandal period in the Coin Cabinet of Vienna's Kunsthistorisches Museum // *Early Medieval Europe*, 16 (3). 2008. 252–298.
- Biblia sacra Vulgata.* Deutsche Biblegesellschaft. Stuttgart, 1983.
- Blossius Aemilius Dracontius. Satisfactio ad Gunthamundum regem Wandalarum* / Ed. F. Vollmer // *MGH, AA, XIV.* Berlin, 1905. P. 114–131.
- Clover F. M.* Felix Carthago // *Dumbarton Oakes Papers.* Vol. 40. P. 1–16. 1986.
- Edwards M.J.* Dracontius the African and the Fate of Rome // *Latomus.* T. 63. Fasc. 1, 2004 (JANVIER–MARS 2004). P. 151–160.
- Fontaine J.* Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigothique. Paris. 1959.
- Friedlaender J.* Die Münzen der Vandalen. Leipzig, 1849
- Garipzanov I.* The Symbolic Language of Authority in the Carolingian World (c. 751–877). Leiden; Boston, 2008.
- Gillett A.* Was Ethnicity Politicized in the Earliest Medieval Kingdoms? // *On Barbarian Identity: Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages.* Turnhout, 2002. P. 85–121.
- Grierson P. Blackburn M.* Medieval European Coinage: With a Catalogue of the Coins in the Fitzwilliam Museum, Cambridge. Vol. 1. The Early Middle Ages 5-th –10-th Centuries. Cambridge 1986.
- Grierson P.* Byzantine Coinage. Washington, 1999.
- Hendy M.* Studies in the Byzantine Monetary Economy. C. 300–1450. Cambridge, 1985.
- Jenks M.* Romanitas and Christianitas in the coinage of Theodebert I of Metz // *Zeitschrift für antikes Christentum / Journal of Ancient Christianity.* Vol. 4, Issue 2, 2000. P. 338–368.
- Livermore H.V.* The Coinage of the Suevic Period // *Essays on Iberian History and Literature.* Aldershot, 2000. P. 39–49.
- López-Sánchez F.* Suevic Coins and Suevic Kings (418–456) // *Neglected Barbarians* / ed. F. Curta. Turnhout, 2010. P. 503–536.

- Obermeier A.* The History and Anatomy of Auctorial Self-criticism in the European Middle Ages. Amsterdam, 1999.
- Parvis S.* Was Ulfila Really a Homoian // *Arianism: Roman Heresy and Barbarian Creed* / Ed. by *G. Berndt, R. Steinacher*. Aldershot, 2014. P. 49–66.
- Paulus Orosius.* *Historiarum adversus paganos libri VII.* Leipzig, 1889.
- Procopius Caesariensis.* *De Bellis.* London – New-York, 1914–1928. (Loeb Classical Library).
- Schetter W.* Zur ‘Satisfactio’ des Dracontius // *Kaiserzeit und Spätantike. Kleine Schriften 1957–1992.* Stuttgart, 1994. P. 379–405.
- Scriptores Historiae Augustae.* Leipzig 1965/90
- Seneca.* *De clementia* // *Moral Essays.* Vol. 1. London, 1928.
- Sexti Aurelii Victoris Liber de Caesaribus.* Leipzig, 1911.
- Simons R.* Dracontius und der Mythos Christliche Weltansicht und pagane Kultur in der ausgehenden Spätantike. Leipzig, 2005.
- Stern K.* *Inscribing Devotion and Death: Archaeological Evidence for Jewish Populations of North Africa.* Leiden; Boston, 2008.
- Wolf K.B.* Eugene II, Bishop of Toledo // *Medieval Iberia: An Encyclopedia* / Ed. by *E.M. Gerli.* New-York; London. 2003.
- Wolfram H.* Vulfila pontifex ipseque primas Gothorum minorum, sed non apostolus eorum. Vulfila, Bishop and Secular Leader of His People but not Their Apostle // *Arianism: Roman Heresy and Barbarian Creed* / Ed. by *G. Berndt, R. Steinacher.* Aldershot, 2014. P. 131–145.
- Wroth W.* *Catalogue of the Coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombards, and of the Empires of Thessalonica, Nicaea and Trebizond in the British Museum.* London, 1911.
- Егоров А.Б.* Проблемы титулатуры римских императоров // *Вестник древней истории.* 1988. № 2. С. 161–172.
- Мареј Е.С.* Образ правителя в стихах Евгения Толедского и его параллели с «Книгой приговоров» (*Liber Iudiciorum*) // *Вестник РГГУ.* 2012. № 9. С. 24–33.
- Никольский И.М.* Гейзерих – автократ вандалов: как варварский король получил императорский титул // *Цивилизация и варварство: Пограничье как феномен, состояние и культурно-историческое пространство* / Отв. ред. В.П. Буданова, О.В. Воробьева. Вып. IV. М., 2015. С. 285–302.
- Никольский И.М.* Образ идеального правителя в литературе вестготской Испании второй половины VII в. (по данным «Истории короля Вамбы» Юлиана Толедского) // *Вестник РГГУ.* 2010. № 2 (45). С. 46–63.
- Юлиан Толедский.* «История короля Вамбы». (Перевод с лат. под ред. О.В. Аутова и К.И. Тасица. Вступительная статья и комментарии И.М. Никольского и О.В. Аутова) // *Кентавр / Centaurus. Studia Classica et mediaevalia.* Вып. 3. 2006. С. 203–257.
- Ярхо В.Н.* Античный мир на пороге Средневековья. «Трагедия Ореста» Драконция // *Вестник древней истории.* 2000. №3, 2000. С. 208–221.

DOMINUS NOSTER REX – WHAT DID THE LEGEND ON THE VANDAL COINS MEAN?

The silver coins issued in the Vandal kingdom provide excellent material as far as the representation of the king's power is concerned. Since the reign of Gunthamund (484–496) they bore the images of the Vandal kings, not of the Roman emperors, as it used to be, and new, original legends (inscriptions). One of these inscriptions includes words *dominus noster rex* ('our master king'). This formula is of great interest, because it combines the 'imperial'-associated and 'king'-associated terms. At first sight, *dominus noster*, which is the emperor's title, could hardly appear in the same context with *rex*, usual for the barbarian kings. Did it happen by chance? Was it terminological "license" or the conscious action? What could the formula really mean? The article tries to answer these questions. Possible origin of this legend can be found in the texts by Dracontius, the Carthaginian poet, particularly in his work *Satisfactio* ('Satisfaction'), the panegyric, addressed to king Gunthamund, where the poet also used this formula. So, to get the answer to the questions mentioned above is to analyze this formula within the framework of the poet's doctrine. It is of great interest that he follows not only the Roman tradition, but also that of Old Testament, which could have been the source of the formula considered. The author makes the conclusion, that the words *dominus noster rex* in the legend on the Vandal coins did not appear by chance. Its origin can be found in the text which had been written by the author who pretended to form political ideology and the doctrine combining both the Roman tradition and that of the Old Testament.

Key words: Vandals, Carthage, Africa, coins, Roman Empire, Gunthamund, Dracontius.